

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.48

Дата поступления: 12.12.2024

рецензирования: 15.01.2025

принятия: 05.03.2025

**Теория следственного действия С. А. Шейфера
(к юбилею Учителя)**

В. А. Лазарева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация: Вопрос о понятии следственного действия, в течение многих десятилетий находящийся в центре внимания российских процессуалистов, исследованный «вдоль и поперек» как мэтрами отечественной науки, так и множеством их последователей, до настоящего времени сохраняет не только свою актуальность, но и дискуссионность и научную остроту. Свидетельством тому является продолжающееся развитие и усложнение урегулированной Уголовно-процессуальным кодексом РФ системы процессуальных действий, в ходе производства которых в уголовном деле появляются доказательства, при сохраняющемся отсутствии понятия следственного действия в УПК РФ. В преддверии 100-летнего юбилея профессора Шейфера Семена Абрамовича, посвятившего свою научную жизнь исследованию юридической и гносеологической природы следственного действия, в статье предпринимается очередная попытка осмыслить разработанную им концепцию следственного действия не только как способа собирания доказательств, но и как процесса их формирования. В этих целях на основе методов системно-структурного и формально-логического анализа развивающихся правовых явлений исследованию подвергается и само понятие доказательства, меняющееся вместе с развитием уголовно-процессуального законодательства под влиянием конституционных принципов, на коих оно основано. Обосновывается вывод: концепция формирования доказательств не обладает универсальностью, но сохраняет свое значение применительно к ряду следственных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная теория и уголовно-процессуальная деятельность; процессуальные действия; следственные действия; понятие, содержание и форма доказательства; способы собирания доказательств; формирование доказательств; профессор Семен Абрамович Шейфер.

Цитирование. Лазарева В. А. Теория следственного действия С. А. Шейфера (к юбилею Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-41-50>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лазарева В. А., 2025

Валентина Александровна Лазарева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.12.2024

Revised: 15.01.2025

Accepted: 05.03.2025

Theory of investigative action by S. A. Shafer (on the occasion of the Teacher's anniversary)

V. A. Lazareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract: The issue of the concept of investigative action, which has been in the center of attention of Russian processualists for many decades, has been studied «inside and out» by both masters of Russian science and many of their followers, and to this day retains not only its relevance, but also its controversial and scientific acuteness. Evidence of this is the continued development and complication of the system of procedural actions regulated by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, during which evidence appears in a criminal case, while the concept of investigative

action in the Criminal Procedure Code of Russian Federation remains absent. On the eve of the 100th anniversary of Professor Semyon Abramovich Shafer, who devoted his scientific life to the study of the legal and epistemological nature of investigative action, the article makes another attempt to comprehend the concept of investigative action developed by him as a way not only to collect evidence, but also as a process of their formation. To this end, based on the methods of system-structural and formal-logical analysis of developing legal phenomena, the very concept of evidence is also being studied, which is changing with the development of criminal procedure legislation under the influence of the constitutional principles on which it is based. The conclusion is substantiated: the concept of evidence formation does not have universality, but retains its significance in relation to a number of investigative actions.

Key words: criminal procedure; criminal proceedings; criminal procedural theory and criminal procedural activity; procedural actions; investigative actions; concept, content and form of evidence; methods of collecting evidence; formation of evidence; professor Semyon Abramovich Shafer.

Citation. Lazareva V. A. *Teoriya sledstvennogo deistviya S. A. Sheifera (k yubileyu Uchitelya)* [Theory of investigative action by S. A. Shafer (on the occasion of the Teacher's anniversary)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-41-50> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Lazareva V. A., 2025

Valentina A. Lazareva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

28 декабря 2024 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-процессуалиста Семена Абрамовича Шейфера, в широкой сфере профессиональных интересов которого теория следственного действия как универсального способа собирания доказательств в ходе производства по уголовному делу занимает особое место. Его фундаментальные труды: «Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе» [1], «Собирание доказательств в советском уголовном процессе» [2], «Следственные действия. Система и процессуальная форма» [3], «Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования» [4], «Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти» [5], «Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики» [6], – как и множество посвященных этим вопросам глубоких научных статей, хорошо известны поколениям юристов, изучающих и применяющих уголовно-процессуальное право. Суть авторской концепции, опирающейся на предшествующие ей теоретические разработки, согласно которым: а) единственным способом установления обстоятельств совершенного преступления (в логике того времени – установления истины по уголовному делу) является деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, называемая доказыванием [7; 8], б) единственным средством для этого являются доказательства [9], – заключается в представлении о доказательстве как о продукте, возникающем (формирующемся) в ходе следственного действия – если не единственного, то как минимум основного способа собирания доказательств.

Связь между следственным действием и доказательством красной нитью проходит через все труды профессора С. А. Шейфера: сложная структура уголовно-процессуального доказательства определила направление мысли ученого и обусло-

вила развитие концепции собирания доказательств как способа их формирования. Эту концепцию С.А. Шейфер развивал на протяжении многих лет своей творческой профессиональной жизни, начиная с выхода в 1972 году первой серьезной работы на эту тему [1].

Будучи с тех же пор ученицей Семена Абрамовича, автор статьи – в разные периоды его последователь, соавтор и оппонент – испытывает потребность выразить глубочайшее уважение Учителю и Ученому, отдать дань научной глубине и безупречной логике его труда, привлечь к его работам внимание тех, кто, возможно, только начинает свой путь в такой интересной науке, которой отдал свою жизнь доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Семен Абрамович Шейфер.

Цель и методы исследования

Цель исследования состоит в стремлении понять, в какой мере концепция следственного действия как процесса формирования доказательств сохраняет свое значение в условиях продолжающегося развития науки и изменяющегося уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели автор статьи исследует историю возникновения и развития концепции формирования доказательств в процессе развития советской теории уголовно-процессуального права, а также факторы, влияющие на восприятие этой концепции в постсоветских условиях, включая судебную реформу, новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ и его последующие изменения, обусловленные развитием объективных условий осуществления правоприменительной практики. На основе исследования обосновывается вывод о нетождественности понятий «собирание доказательств» и «формирование доказательств». Являясь высокоэффективным инструментом доказывания обстоятельств расследуемого преступления, следственные действия имеют различную познавательную характеристи-

ку: только часть из них может быть представлена в качестве способа формирования доказательств, другая часть сохраняет традиционное значение способа их собирания.

Результаты исследования и их обсуждение Следственное действие как способ формирования доказательств

Основанием для разработки теории следственного действия как способа формирования доказательств С. А. Шейферу послужила марксистско-ленинская теория отражения как всеобщего свойства материи, позволяющего человеку познавать ненаблюдаемые им события прошлого. «Большинство фактов, интересующих следователя, прокурора и суд, не существуют к моменту расследования, они остались в прошлом и могут быть познаны лишь путем изучения оставленных ими следов» [1, с. 5], то есть тех изменений, которые произошли в материальном и идеальном мире вследствие совершения преступления. Взаимосвязь между этими, разрозненными на первый взгляд, изменениями «позволяет исследователю... умозаключить о породивших их событиях» [1, с. 6].

При этом сами следы преступления еще не являются доказательствами в процессуальном смысле этого слова. Чтобы стать таковыми, рассуждает далее проф. Шейфер, они должны быть восприняты следователем или судом и закреплены в материалах уголовного дела. В процессе этой деятельности следователя и суда происходит вторичное отображение преступления, в результате которого следы преступления превращаются в процессуальные средства установления истины, то есть доказательства [2]. В действительности процесс формирования доказательства в уголовно-процессуальном значении этого понятия еще более сложен, поскольку вторичным отображением преступления можно считать лишь восприятие следов преступления (результата первичного отражения) следователем, дознавателем. Сформированный сознанием следователя или дознавателя познавательный образ явления или события тоже еще не является доказательством. Возникновение доказательства в его процессуальном смысле связано с закреплением в материалах дела, например в протоколе следственного действия, познавательного образа, сложившегося в сознании следователя в результате восприятия им следов преступления. Это позволяет вычленив в познавательном процессе еще один (третий) этап отражения информации, завершающий процесс формирования следователем доказательства в его процессуальном смысле, но не завершающий процесс трансформации информацииного содержания доказательства. В ходе судебного разбирательства происходит отражение информации уже в сознании судьи, а вышестоящему суду доказательство достается только в виде записи в протоколе, отражающем не событие преступления и не оставленные им следы, а результат неоднократного преобразования информации, последним субъектом которого является

наименее пригодный для этого секретарь судебного заседания (отсюда понятно стремление законодателя избежать хотя бы отчасти искажения и утраты информации посредством введения аудиопrotocolирования хода судебного заседания). Понятно, что информация, отразившаяся в первичных следах преступления, и информация, сохраняющаяся в материалах уголовного дела, в процессе ее неоднократного преобразования претерпевает такие изменения, которые чреватые утратой одной части информации и искажением другой. Тезис о том, что «именно в процессе восприятия следователем и [еще раз – примечание наше. – В. Л.] судом и отображения в материалах дела следов преступления формируется доказательство в процессуальном смысле» [1, с. 7; 2, с. 23], можно считать основой учения о формировании доказательства в процессе его собирания. И хотя, по справедливому замечанию С. Б. Россинского, «С. А. Шейфер не может претендовать на введение термина «формирование доказательства» в оборот уголовно-процессуальной доктрины» [10, с. 27], поскольку некоторыми учеными [11, с. 163; 12, с. 113] он использовался и ранее, впоследствии это привело С. А. Шейфера к ложному, на наш взгляд, тезису о тождестве понятия «собрание доказательств» понятию «формирование доказательства», отождествляемому в конечном итоге им же с понятием «создание доказательства»: «показания, заключения, протоколы и даже вещественные доказательства появляются в итоге собирания доказательств, они *создаются* (курсив наш. – В. Л.) следователем путем преобразования полученных сведений в форму, обеспечивающую их надежное сохранение и последующее использование» [2, с. 28]. При этом автор подчеркивает недопустимость сведения понятия формирования доказательств к его фиксации в материалах дела: термин «формирование» в данном случае употребляется в значении придания определенной формы, законченности» [3, с. 8]; «формирование доказательств – это весь процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные (извлечение из следов), так и удостоверительные элементы» [4, с. 33–34]. В итоге объективно, то есть вне чьего-то индивидуального сознания, существующая в следах преступления, а потому имеющая высокий доказательственный потенциал информация превращается вначале в продукт психической, а затем процессуально-удостоверительной деятельности следователя, что и вызывает сомнение в правильности такой интерпретации понятия «собрание доказательств», особенно после официального включения следователя в число субъектов уголовного процесса, выполняющих функцию уголовного преследования. Однако, будучи рожденной в достаточно продолжительный по времени «досостязательный» период истории развития отечественного уголовного процесса, в котором следователь и суд решали общие задачи для достижения общей цели (ст. 2, 3, 20 УПК

РСФСР), а доказательства следственные автоматически становились доказательствами судебными в силу практически неограниченной возможности оглашения в судебном заседании протоколов как следственных действий, так и иных документов, включая заключения экспертов, эта теория столь прочно укоренилась в массовом правосознании, что доминирует и сегодня [13–16]. Почему?

Гносеологические и правовые основы концепции формирования доказательств

Ответ на поставленный вопрос ведет к формулированию двух основных гипотез. Во-первых, концепция следственного действия как основного способа формирования доказательств настолько логично и талантливо описана, что отбивает желание дискутировать с ее разработчиками, а во-вторых, она, безусловно, имеет и объективные основания.

К числу объективных оснований возникновения концепции формирования доказательств следует отнести специфику уголовно-процессуальной деятельности как познавательного процесса, направленного на установление события прошлого, недоступного в силу этого непосредственно чувственному восприятию, но служащего основанием возложения на виновного уголовной ответственности. Серьезность этих последствий предполагает потребность в надежных средствах и способах установления виновности, то есть доказывания и доказательств. Но, поскольку готовых показаний, заключений, протоколов и т. д. действительно не существует, доказывание в уголовном процессе не может сводиться к оперированию доказательствами, то есть к использованию для обоснования подлежащего доказыванию тезиса. Оно, доказывание, как известно, включает в себя «действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению» [8, с. 29] информации, имеющей значение для установления обстоятельств совершенного преступления, хотя в действительности это гораздо более сложный процесс, в ходе которого доказательственная информация, то есть информация, которая может иметь значение для достоверного установления обстоятельств совершенного преступления, обретает определенную процессуальную форму. В итоге возникает, то есть действительно формируется, а если точнее, то фактически создается, доказательство как надежное, а потому допустимое, процессуальное средство достоверного установления обстоятельств совершенного преступления.

Справедливости ради необходимо отметить чрезвычайную сложность используемого в рассматриваемых словосочетаниях понятия «доказательство», имеющего разные смысловые оттенки и не имеющего четкого нормативного определения. Достаточно взглянуть на ст. 69 УПК РСФСР и ст. 74 УПК РФ, согласно которой, с одной стороны, доказательствами являются фактические данные (позднее – любые сведения), на основе которых устанавливаются имеющие значение для

дела обстоятельства, с другой – эти данные устанавливаются показаниями, заключениями, протоколами и т. д. (позднее – в качестве доказательств допускаются показания, заключения, протоколы и т. д.), чтобы усомниться в том, являются ли доказательствами сами фактические данные, о которых говорится в УПК 1960 года, или задуматься о соотношении двух определений доказательств в УПК 2001 года. Очевидно, этим в какой-то мере обусловлена и разность теоретических подходов к определению доказательства. Не углубляясь в суть вопроса, но учитывая эту сложность, мы можем говорить о формировании доказательств и как о придании процессуальной формы сведениям об обстоятельствах, имеющих значение для дела, без которой эти сведения невозможно сохранить, и как о процессе многократного отражения преступления в окружающем его мире. Иными словами, формирование доказательств как следов, содержащих сведения о совершенном преступлении, начинается в процессе совершения преступления. Соответственно, утрата и искажение информации тоже начинаются уже в ходе совершения преступления. Практическая уголовно-процессуальная деятельность направлена на включение в процесс доказывания той части объективной реальности, которая сохранилась в этих следах. В этом смысле, во-первых, следственное действие лишь этап в сложном процессе формирования доказательства, а во-вторых, сформированное следователем процессуальное доказательство (доказательство в процессуальном виде) содержит в себе множество доказательств как элементов непрерывного информационного потока. Отсюда основание для вывода: концепция формирования доказательств, абсолютно точно показывающая процесс появления доказательств в материалах уголовного дела, не может служить основой для тезиса о тождестве понятий «формирование доказательств» и «собрание доказательств». Собрание доказательств лишь юридическая часть этого процесса, а следственное действие лишь один из способов собирания доказательств. Именно поэтому следственному действию невозможно придать универсальный характер, то есть рассматривать его в качестве единственного способа собирания доказательств, отождествляя при этом понятия «собрание доказательств» и «формирование доказательств». Доказательство – сложный правовой феномен, в зависимости от смысловой нагрузки которого, вкладываемой в него законом, теорией или практикой, мы по-разному воспринимаем оба эти понятия – «собрание доказательств» и «формирование доказательств». Для иллюстрации сказанного предлагаем применить словосочетание «собрание доказательств» к слову «доказательство» в единственном числе, а словосочетание «формирование доказательства» к тому же слову во множественном числе – в единственном числе правильнее будет выражение «сформировать доказательство», глагол «собирать» или «собрать» более приемлем в отношении множества явлений.

Впрочем, правомерно говорить о формировании совокупности доказательств как упорядоченной системы собранных доказательств.

Формирование или собирание?

Изложенные выше соображения не позволяют разделить мнение профессора Шейфера о том, что термин «формирование доказательств» более точен, чем термин «собирание доказательств» [3, с. 8]. По своему смыслу это совершенно разные понятия, отражающие разность используемого как самим С. А. Шейфером, так и законодателем понятия «доказательство». Говоря о формировании доказательств, С. А. Шейфер имеет в виду придание вида или формы, например, показаний, протоколов фактическим данным, содержащимся в следах преступления. Однако действовавший на тот момент закон (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР) доказательствами называл именно эти «любые фактические данные», на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, то есть те самые сведения, которые следователь обнаруживает в оставленных преступлением следах. Следовательно, говоря о собирании доказательств, закон имеет в виду собирание сведений о преступлении, которые и являются средством доказывания. Говоря о формировании доказательств, мы обычно имеем в виду закрепление для последующего использования собранных сведений, которые в силу деятельности следователя получают процессуальную форму. Доказательство в уголовно-процессуальном значении этого понятия является неразрывное единство содержания и формы, но содержание – это продукт психического действия (познания), тогда как форма – продукт физического действия (создания). Отсюда вывод: основания для дискуссии о преимуществе того или иного термина отсутствуют. Игнорирование двуединой сущности доказательства невозможно. Отменив (заменив) понятие «собирание доказательств», мы обесмыслим его «формирование», ибо вопрос о том, чему именно придается процессуальная форма, если не собранным сведениям, то есть информации, не находит ответа. Значимость процессуальной формы доказательства никак не умаляет его содержательной сущности, не отменяет первичности информации, содержащейся в следах преступления, которая служит средством доказывания – подтверждения или опровержения существования каких-либо явлений, событий, фактов действительности. Именно поэтому, говоря о том, что готовых доказательств в природе не существует, С. А. Шейфер имеет в виду их внешнюю форму или вид, который им придает работа следователя. Однако понимая, что собирание доказательств есть собирание сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, мы должны признать, что они-то как раз и существуют с момента совер-

шения преступления как результат первичного отражения преступления в окружающем мире.

Смещение акцента на формальную сторону процесса образования доказательств вольно или невольно демонстрирует слабость теории их формирования: «собирание доказательств... сопровождается формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих сохранение этого образа (курсив наш. – В. Л.) путем процессуальной фиксации результатов восприятия» [3, с. 9]. Таким образом, С. А. Шейфер подтверждает, что сформированные следователем доказательства – то не сама (объективная) информация, содержащаяся в следах преступления, а ее (субъективный) образ, созданный сознанием следователя. В условиях несостязательного (советского) уголовного процесса такая роль познавательной деятельности следователя могла и не вызывать сомнений, но мысль о том, что отнесенный к субъектам уголовного преследования, являющийся в силу этого носителем обвинительной функции следователь формирует, а фактически создает, доказательства, не может не учитываться при оценке рассматриваемой концепции. В то же время, согласившись с таким подходом, мы получаем дополнительный аргумент для объективной оценки обвинительных в первую очередь доказательств как сведений, прошедших через сознание обвинителя, переработанных, а возможно, и искаженных им.

Понимая доказательства как зафиксированные в материалах дела *результаты отражения информации сознанием следователя, фактически как производные доказательства*, судья имеет большие основания для их критической оценки, чем при работе с *собранными* следователем доказательствами (материальными объектами, документами). Именно на это ориентирует судей ст. 240 УПК РФ, закрепляя обязанность непосредственного исследования доказательств и ограничивая возможность оглашения показаний, полученных в ходе расследования от свидетелей и потерпевших, в случае их неявки в судебное заседание. Поэтому протоколы следственных допросов, содержащих информацию, переработанную сознанием следователя, правильнее рассматривать не как оглашенные в суде показания, а как протоколы следственных действий, каковыми они фактически и являются. Показания же закон определяет как устное сообщение, то есть информацию, сообщаемую субъекту, принимающему решение на основе ее непосредственного восприятия, в данном случае – суду.

Концепция формирования доказательств и функция органа расследования

Изучая теоретическое наследие профессора Шейфера, необходимо учитывать, что разработка концепции формирования доказательств приходится на тот период развития уголовно-процессуального права, когда вопросы разделения процессуальных функций между органами предварительного расследования и судом на основе

принципа состязательности практически не обсуждались. Следователь и суд призывались к решению общих задач для достижения общей же цели. Они в равной мере были ответственны за быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных, в равной мере были обязаны обеспечить полное, объективное и всестороннее исследование обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. «Участники процесса не утрачивают своих требований, если они оказались не в состоянии доказать их, так как суд обязан принять все предусмотренные законом меры для установления истины. В советском уголовном процессе нет распределения бремени доказывания в зависимости от того, доказывається ли состав преступления, или обстоятельства, исключющие (смягчающие вину) и ответственность» [9, с. 508–509]. «Главным субъектом доказывания является суд, которому принадлежит руководящая роль в доказывании» на всех судебных стадиях [9, с. 536]. Произошедшее впоследствии распределение субъектов доказывания по выполняемым ими функциям С. А. Шейфера всегда воспринимал критически. В его работах последовательно проводится мысль о том, что следователь – носитель особой процессуальной функции расследования, суть которой в исследовательской деятельности: «...в содержание обвинительной власти включена иная власть – следственная, которая в современных правовых условиях рассматривается как особый вид власти, примыкающей к власти судебной» [5, с. 122]. Предварительное следствие не является формой уголовного преследования, а остается способом объективного исследования обстоятельств дела: «...исследуя обстоятельства дела, следователь не может не касаться обстоятельств обвинительного характера, но это само по себе не исключает его объективного отношения к исследованию и не превращает его в одностороннего обвинителя» [5, с. 125]. В системе таких теоретических взглядов С. А. Шейфера на роль (функцию) следователя как гораздо более близкую к судебной деятельности, чем к обвинительной [17], концепция формирования доказательств более чем естественна. Разрабатывая свою концепцию, Семен Абрамович фактически создавал такую модель уголовного процесса, при которой следственные доказательства фактически становятся судебными. Реализацию этой идеи мы видим сегодня на примере особых порядков судебного разбирательства, соглашаясь на которые сторона защиты фактически признает доказательства, которыми обосновывается обвинение, а суд принимает их в качестве таковых без проверки.

**Вопрос о сущности следственного действия
в связи с развитием системы способов
собираания доказательств**

Появление новых способов собирания доказательств после вступления в действие УПК РФ 2001 года требовало от С. А. Шейфера их анализа с позиций ранее выработанных представлений

о следственных действиях. Семен Абрамович неизменно подчеркивал, что в своих суждениях о следственном действии он следует за авторами, которые понимают под ними не все совершаемые в ходе следствия в особой процессуальной форме действия, а только те из них, которые направлены на обнаружение, восприятие и закрепление фактических данных, то есть действия познавательного характера [18]. Именно поэтому он всегда спорил с авторами, относящими к следственным действиям наложение ареста на имущество [19], а впоследствии сформулировал тезис о том, что в систему следственных действий следует включать только такие познавательные процедуры, в которых получение доказательств происходит в результате непосредственного контакта следователя, дознавателя с источником доказательственной информации. «Для того, чтобы считать познавательное действие следственным, необходимо, чтобы доказательственную информацию извлекал из следов, оставленных событием, лично следователь на основе непосредственного контакта со следами. Иная трактовка следственного действия как способа собирания доказательств, без указания, кто и каким образом превращает информацию, заключенную в следах, в доказательство в уголовно-процессуальном смысле, размывает это понятие и позволяет считать следственным действием любой канал поступления в уголовный процесс доказательственной информации» [20, с. 118]. Отсутствие такого контакта привело автора к исключению из системы следственных действий процедур, имеющих познавательный характер, но не сопровождающихся преобразованием информации сознанием следователя. Так, он обоснованно доказывал недопустимость включения в систему следственных действий таких способов собирания доказательств, как получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ), исходя из того, что в этих случаях для получения информации, имеющей значение для дела, следователь никаких поисковых операций не производит. Информационный продукт в этом случае он получает в готовом, то есть сформированном виде [21]. Согласимся и с тем, что внедрение в систему следственных действий оперативно-розыскных мероприятий, а тем более нетрадиционных методов доказывания [22–24] не только не соответствует принципам теории доказательств и извращает научные представления о собирании доказательств, но и объективно разрушает систему следственных действий, внося в нее чужеродные элементы [25].

В то же время позиция С. А. Шейфера и в этом вопросе недостаточно, на наш взгляд, последовательна или как минимум не лишена некоторого субъективизма.

В частности, проф. Шейфер признавал следственным действием освидетельствование, проводимое следователем в отношении лица иного с ним пола [20]. Согласно ч. 4 ст. 179 УПК РФ, следователь в этом случае при освидетельствовании

не присутствует – осмотр обнаженного тела производит врач. Информацию, которую следователь заносит в протокол освидетельствования, формируя таким образом соответствующее доказательство (протокол следственного действия), он получает без непосредственного восприятия следов преступления, без контакта с источником информации (телом), со слов врача, выступающего в качестве специалиста. Такая правовая конструкция явно не соответствует критериям следственного действия, которые описаны самим же автором концепции. В протокол освидетельствования фактически заносится информация, по виду более соответствующая показаниям специалиста, а в самом освидетельствовании четко выделяются два структурных элемента – осмотр тела и дача показаний о результатах осмотра. Врач при этом об уголовной ответственности за сообщение следователю заведомо ложной или недостоверной информации не предупреждается. По каким же признакам такую процедуру С. А. Шейфер считает следственным действием? Чем она отличается, например, от контроля и записи переговоров, которые он следственным действием обоснованно не считает?

Уязвима для критики и позиция С. А. Шейфера в отношении назначения судебной экспертизы. Действия следователя в этой процедуре не имеют познавательного характера, являются организационно-обеспечительными. Следователь ставит перед экспертами познавательную задачу, подбирает и предоставляет им объекты исследования, разъясняет права участникам процесса и обеспечивает реализацию этих прав, но он, даже если присутствует, когда это технически возможно, при производстве экспертизы, не участвует в процессе выявления и истолкования доказательственной информации, а тем более в формулировании выводов. Конструкция назначения экспертизы как следственного действия представляется искусственной.

Вызывает сомнения также обоснованность отнесения к следственным действиям задержания подозреваемого, хотя протокол, отражающий обстоятельства задержания, может при определенных обстоятельствах рассматриваться как имеющий значение доказательства документ. Искусственным считаем включение С. А. Шейфером в систему следственных действий получение образцов для сравнительного исследования – это действие скорее можно рассматривать как элемент в структуре судебной экспертизы, и, хотя экспериментальные образцы, проводя такое действие, следователь действительно формирует, сами образцы не являются следами преступления и не могут в силу этого считаться доказательствами.

Обобщая изложенное, собирание доказательств можно представить как некую систему процессуальных действий, условно (очень широко) называемых следственными, которые имеют выраженный познавательный характер. С этой точки зрения к следственным действиям не могут быть

причислены не только наложение ареста на имущество, но и задержание и получение образцов для сравнительного исследования.

Действия познавательного характера различаются по степени и характеру участия в них следователя, поэтому могут быть разделены: а) на действия, в которых следователь сам осуществляет познавательную деятельность, и б) действия, в которых следователь только организует собирание доказательств (назначение экспертизы, контроль и запись телефонных и иных переговоров, требование о проведении ревизии, о представлении информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или иных документов).

Действия, в ходе которых следователь лично осуществляет познавательную деятельность (собственно следственные действия в привычном нам смысле), различаются в зависимости от наличия или отсутствия непосредственного контакта познающего субъекта с источником информации: а) на действия по собиранию доказательств (обыск, выемка, осмотр места происшествия) и б) действия, в которых происходит преобразование воспринимаемой следователем информации (допрос, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, предъявление для опознания). Только последние можно считать способами формирования доказательств, но вряд ли целесообразно ограничивать ими понятие следственного действия.

Заключение

Детальное исследование всего богатейшего теоретического наследия профессора Шейфера в рамках статьи невозможно. Такая задача и не ставилась. Вспоминая Семена Абрамовича в год его юбилея, мы выбрали концепцию формирования доказательств как наиболее значимую и многогранную часть его огромного труда, исследование которого, что очевидно, не завершается с уходом Учителя.

Соглашаясь во многом со взглядами профессора С. А. Шейфера на собирание доказательств в ходе производства по уголовному делу, признавая следственные действия основным, наиболее эффективным, а потому самым урегулированным способом собирания доказательств, констатируем отсутствие тождества между способами собирания доказательств и следственными действиями. Признавая гносеологическую и юридическую ценность разработанной профессором С. А. Шейфером концепции следственного действия, считаем необходимым указать на отличие собирания доказательств как начального элемента действий следователя от формирования доказательств как многоэтапного процесса отражения преступления. Принимая в целом теорию познавательной сущности следственных действий, полагаем правильным разделить их по степени влияния сознания следователя на информационное содержание доказательств: а) на действия,

в процессе которых происходит собирание доказательств, и б) действия, в ходе которых следователь формирует доказательства. Результатом последних, как было показано выше, могут быть признаны исключительно протоколы следственных действий.

Теоретические взгляды Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Шейфера Семена Абрамовича еще многие годы будут определять направление научных исследо-

ваний в области уголовно-процессуального права. Перспективным видится дальнейшее изучение способов как собирания, так и формирования доказательств, классификации доказательств по признаку наличия / отсутствия непосредственного контакта следователя, дознавателя с источником информации, а также наметившейся тенденции к появлению новых способов собирания доказательств на основе «оригинальных» познавательных приемов.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: Всесоюзный юридический заочный институт, 1972. 130 с.
2. Шейфер С. А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. 170 с.
3. Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichennogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-proces-sualnaya-forma-Elektronnyi-resurs-74090>.
4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2-е издание, исправ. и доп. Москва: Инфра-М, 2018. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2013. 192 с. URL: <https://thelib.net/3415527-dosudebnoe-proizvodstvo-v-rossii-jetapy-razvitiya-sledstvennoj-sudebnoj-i-prokurorskoj-vlasti.html>.
6. Шейфер С. А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. Москва: Норма, 2015. 112 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
7. Государственный обвинитель в советском суде / под общ. ред. В. А. Болдырева. Москва: Госюриздат, 1954. 308 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=782427>.
8. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств: Сущность и методы. Москва: Наука, 1966. 295 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Юридическая литература, 1973. 734 с. URL: https://archive.org/details/1973_20220110.
10. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. Москва: Норма, 2018. 240 с. URL: <https://www.iauaj.net/node/2304>.
11. Курyleв С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 203 с.
12. Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 109–117.
13. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 192 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008599459/.
14. Абдулаев Я. Д., Миллер В. Ю. Две концепции формирования доказательств в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 75–79. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-1-75-79>.
15. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91. URL: <https://www.iauaj.net/node/1357>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255>. EDN: <https://elibrary.ru/rbicin>.
16. Пастухов П. С. Информационно-логическая модель формирования доказательства // Ex Jure. 2021. № 2. С. 153–168. DOI: <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-2-153-168>. EDN: <https://elibrary.ru/zjylml>.
17. Шейфер С. А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404>. EDN: <https://elibrary.ru/nuhfil>.
18. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: Планирование, организация. Москва: Юридическая литература, 1970. 223 с. URL: <https://thelib.net/3701070-rassledovanie-po-ugolovnomu-delu-planirovanie-organizacija.html>.
19. Рыжаков А. П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств. Москва: Информ.-изд. дом «Филинь», 1997. 334 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25057370>. EDN: <https://elibrary.ru/vcipdz>.
20. Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica. 2015. Т. 107, № 10. С. 115–127. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127>.

21. Шейфер С. А. Проблемы пополнения познавательного арсенала следователя // Государство и право. 2013. № 6. С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20160555>. EDN: <https://elibrary.ru/qzenbp>.
22. Семенцов В. А. Проверка правдивости показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2011. № 2 (77). С. 111–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15977710>. EDN: <https://elibrary.ru/nlqqrb>.
23. Семенцов В. А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5 (74). С. 132–137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15199946>. EDN: <https://elibrary.ru/muqdhb>.
24. Комиссарова Я. В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7 (103). С. 74–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430037>. EDN: <https://elibrary.ru/qjewpd>.
25. Шейфер С. А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11–1 (122). С. 11–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22504313>. EDN: <https://elibrary.ru/syaaaz>.
26. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма и уголовно-процессуальные доказательства (о некоторых изъятиях концепции формирования доказательств) // Юридическое образование и наука. 2023. № 7. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-7-19-26>.

References

1. Shafer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Vsesoyuznyi yuridicheskii zaochnyi institut, 1972, 130 p. [in Russian].
2. Shafer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Collecting evidence in the Soviet criminal process]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1986, 170 p. [in Russian].
3. Shafer S. A. *Sledstvennye deistviya: sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions: the system and the procedural form]. Moscow: Yurлитinform, 2001, 208 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichenogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-processualnaya-forma-Elektronnyi-resurs-74090> [in Russian].
4. Shafer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Infra-M», 2018, 240 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHEifer%5D_Dokazatel'stva_i_dokazuevanie_po Ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHEifer%5D_Dokazatel'stva_i_dokazuevanie_po Ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
5. Shafer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of the development of investigative, judicial and prosecutorial power]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Infra-M», 2013, 192 p. Available at: <https://thelib.net/3415527-dosudebnoe-proizvodstvo-v-rossii-jetapy-razvitiya-sledstvennoj-sudebnoj-i-prokurorskoj-vlasti.html> [in Russian].
6. Shafer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv po ugolovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki* [Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice]. Moscow: Norma, 2015, 112 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHEifer%5D_Dokazatel'stva_i_dokazuevanie_po Ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHEifer%5D_Dokazatel'stva_i_dokazuevanie_po Ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
7. *Gosudarstvennyi obvinitel' v sovetskom sude. Pod obshch. red. V. A. Boldyreva* [Boldyrev V. A. (ed.) The state prosecutor in the Soviet court]. Moscow: Gosyurizdat, 1954, 308 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=782427> [in Russian].
8. Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv: Sushchnost' i metody* [Collection, research and evaluation of evidence: Essence and methods]. Moscow: Nauka, 1966, 295 p. [in Russian].
9. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. Otv. red. N. V. Zhogin. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Zhogin N. V. (ed.) Theory of evidence in the Soviet criminal process. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1973, 734 p. Available at: https://archive.org/details/1973_20220110 [in Russian].
10. Rossinsky S. B. *Sledstvennye deistviya: monografiya* [Investigative actions: monograph]. Moscow: Norma, 2018, 240 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/2304> [in Russian].
11. Kurylev S. V. *Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice]. Minsk: Izd-vo BGU, 1969, 203 p. [in Russian].
12. Dorokhov V. Ya. *Ponyatie dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [The concept of evidence in the Soviet criminal process]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and Law], 1964, no. 9, pp. 109–117 [in Russian].
13. Pobedkin A. V., Yashin V. N. *Sledstvennye deistviya: monografiya* [Investigative actions: monograph]. Moscow: Yurлитinform, 2016, 192 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008599459/ [in Russian].
14. Abdullaev Ya. D., Miller V. Yu. *Dve kontseptsii formirovaniya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Two approaches of evidence formation in criminal procedure]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 1 (53), pp. 75–79. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-1-75-79> [in Russian].
15. Rossinskiy S. B. *Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak dokazatel'stv po ugolovnomu delu* [The essence of the results of non-verbal investigative and judicial action as evidence in a criminal

- case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 9, pp. 85–91. Available at: <https://www.iaaj.net/node/1357>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255>. EDN: <https://elibrary.ru/rbicin> [in Russian].
16. Pastukhov P. S. *Informatsionno-logicheskaya model' formirovaniya dokazatel'stva* [Information and logical model of proof formation]. *Ex Jure*, 2021, no. 2, pp. 153–168. DOI: <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-2-153-168>. EDN: <https://elibrary.ru/zjylml> [in Russian].
17. Shefer S. A. *Pravovoi mekhanizm rassledovaniya prestuplenii v Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [The legal mechanics of the investigation of a crime in Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2011, no. 5, pp. 44–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404>. EDN: <https://elibrary.ru/nuhfil> [in Russian].
18. Larin A. M. *Rassledovanie po ugovolnomu delu: Planirovanie, organizatsiya* [Investigation of a criminal case: Planning, organization]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1970, 223 p. Available at: <https://thelib.net/3701070-rassledovanie-po-ugovolnomu-delu-planirovanie-organizacija.html> [in Russian].
19. Ryzhakov A. P. *Sledstvennyye deistviya i inye sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Investigative actions and other ways of collecting evidence]. Moscow: Inform.-izd. dom «Filin'», 1997, 334 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25057370>. EDN: <https://elibrary.ru/vcipdz> [in Russian].
20. Shafer S. A. *Sledstvennyye deistviya – pravomerny li novye traktovki?* [Investigative action – the legitimacy of new interpretation]. *Lex Russica*, 2015, vol. 107, no. 10, pp. 115–127. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127> [in Russian].
21. Sheifer S. A. *Problemy popolneniya poznavatel'nogo arsenala sledovatelya* [Cognitive problems replenishment arsenal investigator]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2013, no. 6, pp. 45–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20160555>. EDN: <https://elibrary.ru/qzenbp> [in Russian].
22. Sementsov V. A. *Proverka pravdivosti pokazanii na poligrafe* [The truthfulness of testimony check by polygraph]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2011, no. 2 (77), pp. 111–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20160555>. EDN: <https://elibrary.ru/qzenbp> [in Russian].
23. Sementsov V. A. *Novoe sledstvennoe deistvie – proverka pokazanii na poligrafe* [New investigative activity – examination of evidence using polygraph]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2010, no. 5 (74), pp. 132–137. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15199946>. EDN: <https://elibrary.ru/muqdhb> [in Russian].
24. Komissarova Ya. V. *Obosnovannost' metodik ekspertiz s ispol'zovaniem poligrafa* [Validity of examination methods using a polygraph]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], 2013, no. 7 (103), pp. 74–83. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430037>. EDN: <https://elibrary.ru/qjewpd> [in Russian].
25. Sheifer S. A. *Transformatsiya pravovogo regulirovaniya i nauchnykh predstavlenii o sisteme sledstvennykh deistvii* [Transformation of legal regulation and scientific understanding of the system of investigatory actions]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 11–1 (122), pp. 11–22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22504313>. EDN: <https://elibrary.ru/symaaz> [in Russian].
26. Rossinskiy S. B. *Ugolovno-protsessual'naya forma i ugolovno-protsessual'nye dokazatel'stva (o nekotorykh iz'yanakh kontseptsii formirovaniya dokazatel'stv)* [Criminal procedure form and criminal procedure evidence (on some shortcomings of the concept of evidence formation)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Juridical Education and Science], 2023, no. 7, pp. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-7-19-26> [in Russian].